

2. Д о л г режиссера

П. ВАСИЛЬЕВ,

заслуженный деятель искусств РСФСР

Если встреча с Театром имени Руставели знакомит нас с искусством монумен-
тальными, насштаб-
ными, оперирующими
блуждающими обобщенными образами, яви-
ми, сильными специфическими красками,
то иные стилистические черты отлича-
ют другой крупнейший театр Тбилиси —
Театр имени Б. Марджанишвили. Искус-
ство этого коллектива — искусство глубо-
кого психологического реализма, облада-
ющее большой культурой вырази-
тельной детали, умением передать от-
тенки духовной жизни героя. Внимание
театра всегда пристально направлено на со-
временную тему, на современную пьесу. И
если в Театре имени Руставели почти два
десятилетия сохраняется в репертуаре
«Отелло», то в Театре имени Марджани-
швили такой же солидный «стаж» у со-
временного спектакля «Свадьба колхозника»
П. Какабадзе.

Это очень высокий комедийный спек-
такль, и в нем достоинства Театра имени
Марджанишвили непосредственно говорят
о себе. Многие актеры очень тонко рас-
крывают побуждения своих персонажей,
находят забавные и оригинальные погреш-
ности, в которых, словно в калле воды, от-
ражается характер. Достоинство этого
спектакля объясняется не только тем,
что пьеса П. Какабадзе сохранила и поны-
не свою остроту и свежесть, но, конечно,
и тем, нам она поставлена в сыграной.

И все же нельзя не заметить, что в
«Свадьбе колхозника» успех достигается
не столько актерским ансамблем, сколько
актерскими индивидуальностями. Г. Ша-
гулидзе превосходно играет Харитона, пре-
зидента местного колхоза. Болтухи и ква-
сту, самовольный лодыр высмеян яви-
тельностью с такой силой сатирической вы-
разительности, что реплики этого персонажа
являлись бы лучшим переводом. На
другую, сатирическую по своему характеру

роль — бывшего по-
мещика Манушара —
исполняется артистом
М. Мгеладзе уже овсе-
м в иной, сухой,
сдержанной манере.

Еще один персонаж, Хуази, изображается
оларенным комедийным артистом А. Кви-
ташвили опять-таки в другом — уже треть-
ем! — сочном, бытовом плане... Все это я
убедился, что такого рода жанровый раз-
нобой, в сожаления, характерен для мно-
гих спектаклей Театра имени Марджани-
швили.

Однако, основные творческие принци-
пы, декларирруемые театром, понимаются
его актерами по-разному. За несими сло-
во «реализм» одна чувствует одно содер-
жание, другие — иное. И очевидно, до-
вольно многочисленным молчаливым, но
тем не менее по-своему активным побуж-
дениям того взгляда, что реализм будто бы
означает нечто безличное, нечто не при-
частительное, безличное.

Мне хотелось побеседовать с артистами
в каникулы, стейки которой были украшены
фотографиями в эскизах и спектаклях ре-
жиссера, чье имя носят театр. — Б. А.
Марджанишвили. Кинема фотографии гво-
рило о самостоятельности, оригинальности,
инициативе для этой пьесы являющимся ре-
шением. Многие фотографии свидетельство-
вали о неутомимых поисках позитивного ре-
ализма — реализма чуждой, противнойной
формы, свойственной вполне определенно-
му содержанию.

Примечание такого острого и выразитель-
ного реализма можно увидеть, конечно, и в
современных спектаклях Театра имени
Марджанишвили. Но почти всегда эти па-
раметры откровения позитивного искусства
являются результатом усилий того или ино-
го актера, а не актерского ансамбля в це-
лом.

Это и заставляет задуматься: как же
понимает свой творческий долг режиссер
Театра имени Марджанишвили?

Честь и хвала этому театру за то, что
он активно, настойчиво, смело борется за
создание своего современного репертуара.

Сколько трудов стоила театру борьба за
пьесу молодого драматурга Р. Табушани-
ли «Секретарь райкома», по руково-
дству театра, твердо уверенное в том, что оно
сделало правильный выбор, отстояло
спектакль, и он идет сейчас с большим
успехом.

Однако дело режиссуры, как давно из-
вестно, не ограничивается ни весным вы-
бором пьесы, ни даже умением за нее по-
стоять и ее отстоять. У меня же создалось
такое впечатление, что режиссура Театра
имени Марджанишвили проявляет смелость
и последовательность в борьбе за пьесы, но
нередко становится робкой и, главное, не-
последовательной в вероиспытанном спе-
циальном воплощении произведений дра-
матургов-современников.

Вот спектакль «С пропасти» В. Габаски-
ри — спектакль в борьбе за зоркую
семью, за честь и достоинство советской
женщины. Многие играют здесь хорошо и
ровно: в обязательных Ш. Гамбашидзе, и
сдержанная М. Джапаридзе, в последо-
вательно раскрывающий характер героя
П. Кибикадзе, и П. Такашвили, и другие
исполнители. И все-таки спектакль мой и
должен был быть ярок и точен. Непроиз-
веден его жанр, безличная формация. Ре-
жиссер Г. Доркиладидзе словно соматизи-
рует не избегает возможности выразительного,
эмоционального раскрытия характеров в
конфликте пьесы, удовлетворяясь быто-
выми правдоподобиями.

Значительно более энергично, более те-
мперментно режиса Я. Носеладзе пьесу
«Секретарь райкома» В. атом правдиво,
сильно, хотя и неровно спектакле ар-
тист С. Закарадзе создал настоящие досто-
йные подражания образам неуловимого,
революционного, мужественного героя наших
дней коммуниста Иджаладзе. В этом спек-
такле драматические истинности и свобо-
да удивляются ритмом с комедийным.

Но вот нечего. Бросается в глаза уи-
зительное сходство оформления одного из
актов этого спектакля с оформлением спек-
такля, «Живой портрет». В «Живом пор-
трете» по героизму написаны решения
комыни невинного героя, а по впаивающе-
му кругу пазминых «купных» деталях, ха-
рактеризующих место действия. В «Секре-
таре райкома» горизонт изображает трики-
чайные плантации, а по кругу возмозже-
ны детали, характеризующие быт совре-
менной колхозной молодежи. Совершенно
очевидно, что художник И. Субиташвили,

на утонувших себя долгими творческими поисками, оформляя уже абсолютно несомненные пьесы, пользуется одним и тем же приемом, а оба режиссера — постановщик «Живого портрета» Г. Дорджанидзе и постановщик «Секретаря райкома» А. Носелани — принимают это ремесленничество.

Вот этой-то неадекватности творчества, творческой пассивности режиссеров и объясняется, на мой взгляд, слишком частые отклонения Театра имени Марджанишвили от своего стиля, собственного почерка к унылому, приниженному «реализму», проще сказать — к серости.

Возможности театра чувствуются как в творчестве лучших его артистов, таких, как В. Андияларидзе, М. Тамашвили, М. Джапаридзе, В. Гозинашвили, С. Закаридзе, А. Жоржолани, Ш. Тамбалидзе, Г. Шагушвили, так и в специфичности создания остальных мастеров труппы. Но общий высокий уровень ансамбля достигается в театре резко, постановки чаще оформляются небрежно и приблизительно, многие спектакли театра не хватает должного, последовательного раскрытия замысла режиссера. Иной раз вообще залаешь себе вопрос: быть может, действует просто инерция привычного профессионализма?

Последнее суждение высказываться мне предположительно. Очень хочется верить, что талантливейшие коллектив Театра имени Марджанишвили сумеет продемонстрировать особенности своего искусства во всем блеске.

Русский драматический театр назывался в Грузии «Горе от ума». Если учесть, что театр носит имя Грибоедова, что постановка была приурочена к юбилею великого писателя, что создавалась она в Тбилиси, где почти lodged him и где похоронен, станет ясным значение этого события.

Направляясь на спектакль, я мысленно представлял себе атмосферу, в которой он готовился: мне тумалось, что режиссер, вероятно, рассматривал эту постановку, как последний этап своей творческой биографии... Вещь не так уж часто удается нам ставить такие пьесы, как «Горе от ума»! И. поэзия и титан вершин, каждый из нас стремится создать что-то новое, что-то свое, по-новому раскрыть перед зрителями те богатства мысли и чувства, которые таит в себе шедевр драматургической классики.

Но все эти предвзятые представления оказались совершенно излишними. Я с изумлением убеждался, что перед мной то самое явление, которое принято называть «прохладным спектаклем». За ним не чувствовалось ни творческих мучений, ни бесовских воев... Чувствовалось, напротив, что режиссер А. Тамашвили слишком хорошо знает, как надо, вернее, как полагается, ставить «Горе от ума». Уверенность трафарета, наименьшее спокойствие привычного шаблона — вот о чем безалаберично, холодно и сухо возмездом спектакль.

Валдай, близкий Фамусов — А. Загорский... Скупой, пресно благонамеренный Молчалин — И. Зобин... девица Софья — И. Кипулава... Гофанин-бабушка, Гофанин-натура, Хлестако, Загорский, Репетилов, Чацкий — все они ничего не прибавили к тому, что мы знаем об этих персонажах еще со школьной скамьи. Кавалось даже, что режиссеру именно эта задача и возмущала: ничего не прибавить, еще удивить! Но ведь же все-таки разница между неуклюжей отщепленкой и провинциальным в сценичном образе, в сущности и пафосе драматического конфликта! Если бы этой разницы не было, не стоило бы ходить в театр.

Смотрящих спектакль я не покидал: зачем, собственно, всем этим господам трагедия Чацкого? Он, кстати, в исполнении артиста Я. Русланова техничнее, горяч, искрен, но тем не менее совершенно изжиловал режиссером от своих многочисленных вращений. Это — пылкий режисер, а не боец. И между ним и его гонимыми явственно борются вет. Режиссер не открывает нам, как, почему, откуда рождается спасения и сумасшествия Чацкого. Богу она выгодна? Какое значение придают ей сплетники? И почему он называет их «мучителей толпой»? И что он, собственно, представляет собой, этот Чацкий?..

Если искренно в работе Театра, имени Марджанишвили только подражательство, ждала постановка от нее, то в Театре имени Грибоедова она выступала наружу с удручающей отчетливостью. Как составленная репертуар? Очень просто: если появлялся отзыв за триго четыре сатирические пьесы — «Рикен», «В» называя фамилий», «Названия похвалуйте!» и «Лочь прокурора», ставится все четыре, а все четыре идут едва ли не через день. Кроме

этих четырех спектаклей, современность представляла в репертуаре «Балетной рикей» А. Корнейчука и «Историей одной любви» К. Симонова — как известно, зала не возмущалась, а также весьма приятной пьесой Б. Балабана и В. Собко «Сто миллионов». Ни одной своей, оригинальной пьесы театр за последнее время не поставил. Из произведений грузинских драматургов идет только историко-революционная драма В. Дарасели «Кинквизид», в свое время пехная на сцене Театра имени Руставели.

А ведь одна из главных задач Театра имени Грибоедова (как легко понять) заключается в том, чтобы знакомить русских зрителей с новыми пьесами грузинских драматургов и артистов Грузии — с пьесами русской драматургии. И театр имеет все возможности эту задачу выполнять. Что же ему мешает? Больше всего привычка ставить то, что ставят другие театры, и ставить так, как ставят в других театрах.

В свое время, когда Театр имени Грибоедова играл в культурной жизни Тбилиси гораздо более значительную роль. Он знаменит грузинских зрителей с произведениями русской драматургической классики и лучших новинками русской советской драматургии в глубоко продуманном, серьезном воплощении. Он обладал талантливейшей труппой, которая, кстати сказать, не пала и сейчас. Но творческие возможности могут быть выявлены полностью, только когда коллектив в целом ухватит свое призвание, свою цель, когда ему откроются перспективы творчества.

Жизнь учит нас, что новое содержание искусства может быть с успехом выражено только в форме, соответствующей этому содержанию и достоинству его. Жизнь говорит, что зрители не няются с тугою и с серостью лабонных решений. И вопрос в творческом облике каждого театра, о его художественном своеобразии, непременно сопутствующем реализму, — подлинно, а не подложному. — становится поэтому актуальным вопросом дня.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

24 марта 1955 г.

3 стр.